

А. Б. Пермиловская

**Народная архитектура Русского Севера
в пространстве современной культуры**

УДК 62:7.05

Это первое исследование народной архитектуры в сфере культурологии, которое отражает историческую преемственность деревянного зодчества в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, представленного в церковной и гражданской традиционной архитектуре. В работе обоснована модель смыслополагания народной архитектуры, для выявления культурного кода Русского Севера (народного деревянного зодчества) предложена метафора «Как мера и красота скажут».

Ключевые слова: народная архитектура, Русский Север, пространство культуры, код культуры.

A. Permilovskaja. The Folk Architecture of the Russian North in the Space of the Modern Culture

This is the first national architecture research in the cultural science sphere. The article reflects the historical continuity of the wooden architecture in the preservation and translations of cultural values and the senses, submitted in the church and civil architecture. A model of meaning formation of the folk architecture is substantiated in the study, the metaphor “as measure and beauty tell” is offered for detecting a cultural code of the Russian North (folk wooden architecture).

Key words: national architecture, Russian North, space of culture, code of culture.

Актуальность темы исследования обусловлена значимыми для современного общества задачами изучения, сохранения и развития культуры русского народа. Изучение особых, региональных аспектов истории национальной культуры в условиях многополярности мира и в контексте процесса глобализации помогает понять целостность и сущность сложных историко-культурных и социальных особенностей

российской современности, в которой памятники народного зодчества являются уникальными и, к сожалению, немногочисленными артефактами, с помощью которых осуществляются культурная преемственность и национальная идентификация. В связи с тем, что формирование культурного пространства России проходило под влиянием различных национально-культурных традиций и сопровождалось развитием региональных культур, осмысление опыта Русского Севера может дать ключ к пониманию исторического развития России, связанного с духовным и хозяйственным освоением огромных таежных и арктических пространств Евразии вплоть до Сибири и Дальнего Востока.

Для отечественного гуманитарного и культурологического дискурса сегодня особенно актуальным является выявление концептов русской культуры и ее сущностных признаков. Данная работа нацелена на раскрытие значения народного деревянного зодчества Русского Севера как базисной составляющей национальной культуры. Русский Север – хранитель памятников древней народной культуры, которые создавались на протяжении нескольких столетий в условиях стабильности, патриархального образа жизни и непрерывности художественных традиций. До настоящего времени мы обнаруживаем многие неизвестные памятники прошлого. Широкий срез традиционной народной архитектуры с привлечением большого числа новых артефактов имеет большое значение не только для познания культуры северной провинции, но и для характеристики общерусского культурного и художественного процесса.

В отечественной традиции исследования памятников архитектуры сложилась устойчивая практика рассматривать их либо с исторической, либо с археологической, либо с искусствоведческой точки зрения. Сравнительно недавно памятники архитектуры стали изучаться в новом, интегративном научном горизонте – как произведения культуры, имеющие большое значение для понимания истории культуры в целом. Мы исходим из того, что история искусства должна писаться как история культуры [2]. Уже около двух столетий «Русский Север» – это не только устойчивое словосочетание, вобравшее в себя особенности российского менталитета, но и понятие, отражающее

важные для отечественной культуры смыслы. Русский Север – своеобразная территория, не столько изолированная пространственно, сколько обособленная духовно. Здесь в XVII–XIX вв. сложилась если и не идеальная, то по-своему гармоническая система организации жизни, которая в «корневой» России не была востребована.

Бытие Русского Севера – это модель жизни свободного, даже в эпоху крепостничества независимого, экономически обеспеченного, верующего русского крестьянина, «государственника» по своему мышлению. Совершенно естественно, что «нигде в России крестьянин не добился большего успеха, чем крестьянин Севера, отстаивший границы своих земель и свой незакрепощенный статус» [5:227].

Среди северноруссов выделяется этнографическая группа (субэтнос) *поморов* – русского населения, проживающего на берегах Белого и Баренцева морей. Поморы (русский вариант морской культуры в Арктике) выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера, являющегося и по сей день границей ойкумены – «пространства обитания человечества». Начиная с XVIII в., в большой степени благодаря личности М.В. Ломоносова и его научным трудам, поморы постоянно привлекали внимание русского общества. В течение XIX века сложилось представление о поморе как об особом типе русского человека, обладающем особыми чертами характера – предприимчивостью, смелостью, умом, независимостью в делах и суждениях. Людей великого мужества, выносливости и терпения, людей предприимчивых, «быстродумных», «государственников» по духу своему и складу мышления. Ведь именно они, поморы, первыми прорубили окно в Европу, сделали свою столицу – город Архангельск – первыми морскими воротами России, из среды поморов вышли первые землепроходцы, еще четыре века назад бесстрашно и дерзко бороздившие на своих немудреных суденышках Ледовитый океан. Отсюда, из Поморья, началось то грандиозное движение русского народа в Сибирь, на Восток, которое известно под завораживающим названием «встречь Солнцу» [1:30–32]. Отважные северные мореплаватели освоили морской путь на Новую Землю, в Сибирь и на запад – до Шпицбергена. Континентальный менталитет, свойственный славянам, сменился на Севере бо-

лее открытым и активным мировосприятием морских народов. В поморской среде бытовала поговорка: «*Архангельский город всему морю ворот*». Крестьяне-земледельцы, пришедшие на Север из новгородских и ростово-суздальских земель, сделали своим «полем» море, где добывали рыбу, морского зверя, создали своеобразную *морскую культуру*. На деревянных судах, приспособленных для арктических плаваний, достигали островов Новой Земли и Шпицбергена.

Велика роль в освоении Арктики наших соседей – норвежцев, здесь, на Севере Европы, появился уникальный опыт сотрудничества двух культур, которые взаимно обогащали друг друга. Русские поморы и норвежцы имели свой язык «*руссенорск*» или «*Моя-по-твоя*» – смешанный русско-норвежский язык (один из примеров *пиджина*), обслуживавший общение поморских и норвежских торговцев на северном побережье Норвегии. Он существовал с 1750-х по 1920-е гг., когда велась активная морская торговля зерном и рыбой между Норвегией и российским Поморьем. В руссенорске зафиксировано около 400 слов, 50 % лексики – из норвежского языка, 40 % – из русского, остальные заимствованы из английского, нидерландского, нижненемецкого, финского и саамского. Грамматика и фонетика были чрезвычайно упрощены. Руссенорск имеет одну интересную особенность, которая свидетельствует, что русские и норвежцы были социально равноправными партнерами. Во многих пиджинах в различных частях света один из языков играл доминирующую роль, в случае с руссенорском, напротив, количество русских и норвежских слов одинаково. В XVII–XVIII вв. Русский Север имел самый высокий показатель грамотных сельских жителей не только в России, но и в Европе.

Этот край внес значительный вклад в развитие Российского флота, стал колыбелью отечественного судостроения. В 1693 г. при личном участии Петра Великого заложен, а в 1694 г. на Соломбальских островах построен и спущен на воду первый русский торговый корабль «*Святой Павел*». Заслуживает внимания тот факт, что в традиционной культуре Русского Севера сказалось влияние средневековой русской и европейской городской культуры, а также в целом влияние Западной Европы: Англии, Голландии, Германии, Норвегии. В XVI–XVII вв. в торговле через Архангельск было задействовано более 70

русских городов, а торговый оборот русских и иностранных товаров был одним из самых больших в Европе. Русский Север – родина первых российских землепроходцев: Е. Хабарова, С. Дежнева, А. Баранова. В честь Архангельска столица Русской Америки – Ситха – была названа Ново-Архангельском. Здесь родина многих выдающихся ученых, среди которых первым надлежит назвать М.В. Ломоносова, первого русского академика, основателя Московского университета. Ломоносов – выходец из поморской среды, он вырос в поморской семье в д. Куростров. Специфика жизни человека в условиях Севера формировала особый тип мышления и менталитета, опорой которому было православие. Особенностью северного менталитета является то, что в нем заложен генетический код севернорусской культуры. посредством культурной традиции он передается из поколения в поколение.

«Русский Север! Мне трудно выразить словами мое восхищение, мое преклонение перед этим краем. Когда впервые мальчиком тринадцати лет я проехал по Баренцеву и Белому морям, по Северной Двине, побывал у поморов, в крестьянских избах, послушал песен и сказок, посмотрел на этих необыкновенно красивых людей, державшихся просто и с достоинством, я был совершенно ошеломлен. Мне показалось – только так и можно жить по-настоящему: размеренно и легко трудясь и получая от этого труда столько удовлетворения. В каком крепко слаженном карбасе мне довелось плыть, каким волшебным мне показалось рыболовство, охота! А какой необыкновенный язык, песни, рассказы... Я зачарован им до конца моих дней. В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории, человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба, грозной силы камня, бурь, холода, снега и воздуха» [7:409–410].

Важным фактором, определившим своеобразие культуры Русского Севера, было отсутствие крепостного права в его законченной форме. Крестьяне Севера были «государственными», они платили многочисленные подати, несли казенные повинности, но наиболее тяжелой формы крепостничества – барщины и личной зависимости – здесь не было. Никогда не угасал на Русском Севере дух вольнолюбия

и предприимчивости. «Архангельский мужик стал велик и разумен не по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком-поморцем, никогда не носившим крепостного ошейника» [3:9]. Все это позволяет утверждать, что жители Русского Севера были, скорее, своего рода *гражданами мира*, чем подневольными подданными Российской империи.

Русский Север – это «страна зодчих», исторически сложившийся заповедник народного зодчества, которое по праву считается вершиной русской и мировой деревянной архитектуры. «На Севере... были выработаны все те совершенные формы деревянного зодчества, которые в течение веков непрерывно влияли на всю совокупность русского искусства» [2:336]. Для характеристики культурного кода Русского Севера мною предложена метафора, берущая свое начало в строительной терминологии русского деревянного зодчества и воплощающая культурные смыслы материальной среды и связанного с нею народного мировоззрения: «*Как мера и красота скажут*». Именно такие выражения встречаются в старинных договорах (порядных), которые заключались между мастером плотницкой артели и «миром» (крестьянами-заказчиками).

Термин «мера» происходит из Византии, Болгарии, зодчие из этих мест строили первые храмы на Руси. Для строительства использовались «меры» – габариты и пропорции, что зафиксировано в церковных текстах. «Мера» позволяла заранее представить, как будет выглядеть сооружение, и рассчитать примерный расход материалов, при этом не требовались точные масштабные чертежи. Достаточно было рисованной или процарапанной на бересте схемы плана с указанием мер, и, конечно же, меры должны были соотноситься с самым удобным измерительным инструментом – человеческим телом. То, что «досягают» руки, раскинутые в стороны, – сажень. Наибольший захват растянутыми пальцами – пядь, совершенно точно дважды укладывается в один локоть, а сажень равна четырем локтям. Средняя, наиболее распространенная величина сажени – 176 см. Получалось, что мастер, используя пару мер, заключенных в его собственном теле, самопроизвольно создавал структуру пространства, в которой все части оказывались между собой соединены гармоническим образом.

При этом мы не должны забывать, что язык – один из важнейших кодов культуры. Язык – ее первоначальная, древняя основа, которая всегда стоит за любым культурным знаком, ибо все выраженное культурными текстами может быть выражено средствами языка. И хотя метафорическое высказывание принадлежит сфере языка, «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [6:203], она отражает глубинный смысл внутри концептуальных областей. Анализ метафоры в научном исследовании дает возможность рассматривать ее как важнейший источник для выявления культурного кода.

Народная культура с ее календарем, предсказаниями, знаменами, приметами создает свою версию метафорической символики. Практически всякое новое научное понятие появляется как некая метафора, становясь точным понятием лишь с течением времени. Проведенное исследование позволило сформулировать впервые выдвинутое положение: *культурным кодом Русского Севера является народное деревянное зодчество.*

Изучение народной архитектуры в России долгое время было сосредоточено только на культовом зодчестве. Храмы были выявлены в конце XIX – первой половине XX вв. И. Э. Грабарем, В. В. Суловым, М. В. Красовским и др.; в середине XX в. изучалось гражданское зодчество (И. В. Маковецкий и др.). Осознание истинной ценности деревянного зодчества как целостного комплекса пришло только в 1970-е гг. Это ознаменовалось «залповой» защитой трех докторских диссертаций по народной архитектуре, которые были посвящены деревянному зодчеству Заонежья: Л. М. Лисенко (1976), А. В. Ополовникова (1976), В. П. Орфинского (1977). В 1981 г. была защищена докторская диссертация Ю. С. Ушаковым «Ансамбль в народном зодчестве русского Севера: пространственная организация, композиционные приемы, восприятие».

Нашей задачей стало проведение междисциплинарного исследования народной архитектуры в России, опирающегося на опыт культурологического изучения исторического наследия [4], результаты которого были отражены в монографиях [8; 9; 10; 11; 12]. На наш взгляд, деревянное зодчество Русского Севера представляет собой базисную составляющую национальной культуры. Исследование пока-

зало историческую преемственность деревянного зодчества в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов, представленного в церковной и гражданской народной архитектуре [10; 12].

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. В *храме* воплощался образ Вселенной. Храм как обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве северного крестьянского мира. Названия храмов становились частью историко-культурного пространства края; так же, как и названия деревень, храмонаименования отразили становление народного религиозного сознания и миропонимания насельников этих территорий. Значимая роль храма в структуре микро- и макрокосмоса Русского Севера отразилась также в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма (часовни), поселения. Этот выбор делался с помощью гаданий и живых священных животных (конь), а также предметов (дерево, икона, крест, свеча), обладающих высокой степенью семиотичности и особым сакральным статусом в традиционной крестьянской культуре. Особое значение исследование храмов имело в силу того, что основу мировоззрения русского крестьянства составляло православие, куда вошли дохристианские, языческие верования славян, и получившее в настоящее время название «народное православие».

Часовня – безалтарный храм предназначалась для упрощенного богослужения без литургии, на Русском Севере служила местом молитвенных собраний жителей малодворных деревень, населенных членами одной патриархальной семьи. Причины постановки часовен мы определили исходя из их типологических признаков: *место проведения богослужения, поминовения, часовни-усыпальницы, обетные и «обыденные» часовни*. Мы также установили, что характерным явлением морской культуры Поморья было возведение *промысловых часовен* в местах рыбного, зверобойного, лесного промыслов, на островах Белого и Баренцева морей. *Старообрядческие часовни* оставались единственной разновидностью храмов, признаваемой ревнителями «истинного благочестия».

Важным аспектом народного зодчества является традиция постановки деревянных *крестов*. С учетом их многофункциональности,

кресты могут быть рассмотрены как памятники архитектуры и скульптуры, крестьянской письменности, культа, навигационные знаки поморов, которые были нанесены на лоцманские карты. Типологически деревянные кресты отнесены к следующим группам, учитывая то значение и роль, которую они выполняли: поклонные, обетные, памятные, маячные, поминальные, охранительные, кладбищенские, благодарственные.

Смыслополагание *крестьянского дома*, представляющего собой жилой комплекс дома-двора, в условиях Севера связано с тем, что такой дом являлся одним из главных способов освоения природной среды. Это нашло отражение в архитектурно-конструктивных особенностях, типологии, декоре. Интерьер дома синтезирует в пространственно-предметной и символической форме повседневную культуру и ритуально-сакральные основы жизни традиционной крестьянской семьи. Для крестьянина дом – это модель мира, синоним родины, он воплощает идею семьи и продолжения рода. Дом осмыслялся в повседневной народной культуре как средоточие основных жизненных ценностей, таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включая не только живых, но и умерших. Важнейшие символические функции дома – защитная, сакральная, ритуальная.

В ходе обобщения значительного по объему эмпирического материала мы выработали три основных принципа, на основе которых может быть построена типология северного дома: 1) по способу соединения жилья и двора выделены следующие типы: «брус», «глаголь», «кошель», «Т-образная связь», «двухрядная связь»; 2) по конструктивно-планировочному решению жилой части получили распространение избы: *четырёхстенок, шестистенок (с вариантами: изба с прирубом, изба-двойня без заулка, изба-двойня с заулком), пятистенок и крестовик*; 3) по внутренней планировке русского дома выделяются: *севернорусский, восточный южнорусский, западный южнорусский, западнорусский* планы.

Изученная нами повседневная жизнь крестьянской семьи протекала в семиотически насыщенной пространственной среде. Семиотический статус северного крестьянского жилища в его пространственной организации и в смыслах вещей, его наполняющих, был доста-

точно устойчивым, традиционным, хотя и менялся в определенных ритуалами ситуациях (свадьба, похороны, рождение ребенка, обыденность). Орнаментация декора народной архитектуры представляла собой знаковую систему, репрезентирующую эстетическую и мифопоэтическую информацию. Орнамент как язык выступал в виде кода, передающего основные специфические особенности этноса. Особенностью орнаментальной символики являлось то, что это были не единичные символы, а целостная система, отражающая мир. Архитектурные и декоративные элементы составляли не только основу конструкции жилища, но и «конструкции» крестьянского мировоззрения. Символика в декоративном убранстве опиралась на фитоморфные, орнитофорфные, зооморфные, антропоморфные изображения, воплощенные в скульптурной, трехгранно-выемчатой, плоской резьбе, домовой росписи. Именно поэтому традиционное народное зодчество в основе своей было магически-сакральным.

Можно утверждать, что сельский мир, представленный в традиционном поселении Русского Севера, имея самостоятельную ценность и семантические характеристики, органично входит в состав целостного понятия «Русский Север – особая территория наследия».

-
1. Абрамов Ф. А. Чем живем – кормимся: очерки, статьи, воспоминания, литературные портреты, заметки, размышления, беседы, интервью, выступления. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1986.
 2. Грабарь И. Э. История русского искусства. СПб., 1910. Т. 1. Архитектура. Допетровская эпоха.
 3. Заповедный Север: Архитектура. Искусство. Ландшафт / авт.-сост. Б. В. Гнедовский. М.: Сов. Россия, 1987.
 4. Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура. Ярославль: Александр Рутман, 2003.
 5. Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984.
 6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008.
 7. Лихачёв Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
 8. Пермиловская А. Б. Северный дом. Петрозаводск: ПетроПресс, 2000.

9. Пермиловская А. Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера», 2005.

10. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: УрО РАН, 2010.

11. Пермиловская А. Б. Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции / в соавторстве с А. Б. Боде (сост. и отв. ред.), Н.П. Крадиным и др. М.: Северный паломник, 2012.

12. Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера»; Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013 (в печати).

В. Сурво, А. Сурво

«Поколенная» вещь и поколение как вещь (об истоках ювенальной юстиции)

УДК 930

Средоточие в символизме «поколенной» вещи основ и преемственности традиционного мировоззрения делает её важнейшим транслятором культурной памяти. Объектами традиционного ритуального программирования в качестве потенциальных носителей культурных ценностей сообщества являются как родившиеся, так и ещё неродившиеся дети. Ювенальная юстиция копирует традиционные взаимоотношения, но лишает их трансцендентной сути.

Ключевые слова: культурная память, традиции, ювенальная юстиция.

V. Survo, A. Survo. “Generational” thing and Generation as the thing (about the origins of juvenile justice)

Focus in the symbolism of the “Generation” things foundation and continuity of the traditional worldview makes it a major broadcaster of cultural memory. The objects of the traditional ritual of programming as potential carriers